

Иларион (Троицкий), архим. Живая жизнь. Открытие Всероссийского церковного Собора // Богословский вестник 1917. Т. 2. № 8/9. С. 275–279 (2-я пагин.).

этъ приходскаго устава, требуетъ непремѣнной и обстоятельной переработки.

Полной плодотворности работы съѣзда помышала чрезвычайная краткость отведенного для него времени въ сравненіи со сложностью задачъ и громоздкостью и нестрогою его состава при совершенной необычности и потому неисподготовленности къ такого рода всецерковныхъ собраний.

Во всякомъ случаѣ Всероссийскій съѣздъ духовенства и мѣрянъ, будучи ирототипомъ собора, совершилъ необходимый первый, основоположительный, хотя и не официальное законодательный актъ для официальной регулярной дѣятельности Собора: непосредственный личный живой обмѣнъ мнѣній и настроеній всего имѣющаго быть представляемымъ на Соборъ церковнаго общества.

В. Можайскій.

II. Открытие всероссийского церковного собора.

Церковный соборъ... За послѣдніе двѣнадцать лѣтъ эти слова не сходили съ устъ всѣхъ церковныхъ людей, не сходили со страницъ духовной и свѣтской печати, слышались съ высоты парламентскихъ трибунъ. И однако... собора все не было. Будто какое заклятье висѣло надъ соборной жизнью церкви русской. Высочайшая резолюція 31 марта 1905 года на докладъ Св. Синода о созывѣ собора: „И признаю невозможнымъ совершить въ нережимое нынѣ тревожное время столь великое дѣло, требующее и спокойствія и обдуманности, каково созваніе помѣстнаго собора. Представляю себѣ, когда наступитъ благопріятное для сего времія, по древнимъ примѣрамъ православныхъ императоровъ, дать сему великому дѣлу движеніе и созвать соборъ всероссийской церкви для канонического обсужденія предметовъ вѣры и церковнаго управлѣнія“. Годышли за годами; въ нѣсколько измѣнившихся условіяхъ государственной жизни положеніе Православной Церкви становилось невыносимымъ. Церковная жизнь приходила все въ болѣе и болѣе разстройство. За русскую православную церковь болѣли душой даже и чужие для нея люди. Прежде гонимыя религіозныя общины получили свободу. Въ древней православной Москве безпрепятственно засѣдали соборы раскольниковъ,

собирались съезды баптистовъ. Для Православной же Церкви все еще не наступало лѣто благопріятное. Самодержавіе царское, по Петровскому идеалу образованіе, все время было враждебно къ самостоятельности русской національной церкви и въ этомъ отношеніи, себѣ па погибель, осталось вѣрио себѣ до самого конца. Потребовался стихійный переворотъ, испроверженіе самаго царскаго престола, чтобы наступило и для Православной Церкви благонріятное время созвать соборъ, котораго она лишина была 235 лѣтъ. Отпопеліе царствовавшей династіи къ Православной Церкви—это историческій примѣръ неблагодарности. Триста лѣтъ назадъ церковь требовала національной династіи, отвергая династію новѣрную. Первосвятитель русской церкви святѣшній патріархъ Ермогенъ претерпѣлъ за идею національной династіи мученическую кончину. А эта династія, скоро обратилась въ совершенно чуждую русскому народу, уничтожила патріаршество, поразила настыря русской церкви и лишила разсѣянныхъ овецъ возможности собираться воедино, доведя тѣмъ самымъ церковь до крайне бѣдственнаго состоянія. Ужаснымъ позоромъ и тяжкимъ всенароднымъ бѣдствиемъ оканчивается петербургскій періодъ русской исторіи, и въ эти мрачные дни должна взойти заря новой свободной церковной жизни.

Долго готовились къ собору. Издали цѣлые томы предсоборныхъ трудовъ и разсужденій по всевозможнымъ вопросамъ, и однако соборъ пришлое собирать наспехъ. Въ самый краткій срокъ составлено было положеніе о соборѣ, назначены и произведены повсюду выборы членовъ собора. Несятъ на все это, соборъ собрался въ назначенный срокъ 15-го августа, въ день Успенія Божіей Матери.

Трудно и пожалуй невозможно описать тѣхъ думъ и чувствъ, съ которыми подъѣзжалъ къ Москвѣ каждый членъ собора. За два съ половиною вѣка мы, конечно, отвыкли отъ соборной жизни, соборы вышли изъ нашей жизни. Для насъ соборъ обратился уже въ религіозный символъ и памъ почти невозможно себѣ представить соборъ какъ бытовое явленіе. Для насъ соборъ представляется въ тинѣ иконографическомъ; мы видимъ вселенскіе соборы въ стѣнной росписи храмовъ, гдѣ чинно сидятъ святители, „отцы соборовъ“. Члены настоящаго собора впервые встрѣтились другъ

съ другомъ въ стѣнахъ Московскаго Успенскаго собора. Здѣсь какъ бы встрѣтились двѣ Россіи—древняя и новая. встрѣтились и смотрѣли другъ на друга, чувствуя другъ друга и плохо узпавая. Новые люди пришли въ древній храмъ. Сколько эти люди пережили за двѣстѣ лѣтъ! Какъ измѣнился ихъ умственный, нравственный, культурный обликъ! Вѣра и благочестіе оставались ли тѣ-же, или стали иными? Въ самомъ богослуженіи сiletались двѣ эпохи: въ пысканіе пѣніе спицальнаго хора вдругъ врываюось столповоѳ пѣніе успенскихъ соборянъ. И нужно сказать, что древнєе столповое пѣніе производило болѣе сильное впечатлѣніе,— будто оживали древнія стѣны собора: моць, твердость, и непоколебимость слышались въ напѣвѣ. Невольно пытливъ взоромъ приематриваешься къ членамъ собора и прежде всего замѣчаешь, какъ составъ членовъ собора разнообразенъ. Составъ собора такъ же нестрѣ и многообразенъ, какъ сама сто-миліонная россійская православная церковь. Всѣмъ известные столичные протоіереи и инокому невѣдомые сельскіе іерен, много представителей науки и педагоговъ, видныѣ общественные и государственные дѣятели, имя которыхъ у всѣхъ на устахъ, рядомъ съ ними простые сельскіе крестьяне, самымъ видомъ своимъ иногда представляющіе простое деревенское благочестіе, замѣты и военные фигуры офицеровъ и солдатъ. Всѣ собирались бѣлью со своими думами, со своими нуждами, заботами о благѣ церкви, со своеобразнымъ иногда пониманіемъ этого блага. И радостно было видѣть эту разнообразную массу соборныхъ членовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ жутко и боязно. Радостно потому, что наконецъ осуществилась мечта многихъ поколѣній русскихъ православныхъ людей о возвращеніи церкви каноническаго соборнаго управлениія, такъ пагло въ ней поруганного со временемъ Петра. Боязно потому, что такъ долго не было соборовъ, такъ много накопилось въ церковномъ тѣлѣ недоразумѣній, взаимнаго непониманія, иногда вражды и недоброжелательства. Эти люди столь разнообразны, столь далеки другъ отъ друга, такъ отвыкли другъ отъ друга— смогутъ-ли они объединиться въ общей любви и единомыслии, понять другъ друга, оцѣнить другъ друга, простить другъ другу прошлое ради лучшаго будущаго? Всѣ эти тревожные

вопросы неотступно волновали мысль и создавали беспокойное состояние духа.

Были моменты особаго духовнаго подъема. Таковъ бытъ моментъ открытия собора послѣ литургіи въ Успеніе. Со всей Москвы собрались крестные ходы, во главѣ со святыми. На помостѣ среди собора въ полномъ облаченіи стало иѣсколько десятковъ святителей русской церкви. Къ нимъ присоединилось множество архимандритовъ, протоіереевъ и іереевъ. Члены собора міряне вышли на средину же собора. Первосвятитель — кievскій митрополитъ читаетъ краткую грамоту объ открытии собора. Члены собора запѣли символъ вѣры. Моментъ былъ потрясающій, у многихъ на глазахъ слезы. Тотчасъ длиной вереницей члены собора вышли изъ собора и, зайдя къ свят. Алексію въ Чудовъ монастырь, направились на всенародное молебствіе на Красную площадь. Иеный солнечный день, площадь залита многими тысячами народа, цѣлый лѣсъ хоругвей возвышается надъ черньющею толпой. По особому чину совершиено было молебствіе на Гробномъ мѣстѣ и среди хоругвей члены собора черезъ Никольскія ворота возвратились въ Кремль. Около иныхъ хоругвей стояли почти цѣлые приходы православныхъ москвичей со своими духовными настырями. Иные приходы встрѣчали проходящій мимо соборъ пѣниемъ троицарей. Во все время пути слезы невольно застылали глаза. То были слезы умиленной радости, согрѣвающей сердце и умягчающей душу.

И еще иѣсколько дней продолжалось открытие собора — въ храмѣ Христа Спасителя и въ назначенніи соборной палатѣ-затѣ Московскаго Епархіальца дома. Медленно организовывался соборъ. Въ печати уподобляли соборъ большому колоколу, въ который нельзя ударить сразу: нужно напередъ долго раскачивать языки. Дай Богъ, чтобы сравненіе это было вѣрно и дальше, — чтобы соборъ действительно оказался большимъ колоколомъ, который зазвонитъ бы громко и всѣхъ заставилъ перекреститься и слушать себя! Первые же дни засѣданія собора прерывались соборными богомоленіями. 27-го августа соборъ прїѣзжалъ въ Лавру преп. Сергія. Въ этотъ день многие члены собора посѣтили и нашу Академію, осматривали академіческія помѣщенія, библіотеку и проч. За литургіей въ Троицкомъ соборѣ говорилъ слово

членъ собора проф. Академії архим. Пларіонъ. 29-го августа соборъ молитвенно поминаль на Братскомъ кладбищѣ всѣхъ за вѣру и отечество жизнь свою положившихъ.

Уже только въ сентябрѣ соборъ приступилъ къ своей дѣятельности, о которой можно будетъ говорить послѣ. Но не можемъ умолчать еще объ одномъ впечатлѣніи при открытии собора. Гражданское правительство было вдали отъ собора. Во время соборныхъ богослуженій въ Большомъ театре продолжалось государственное совѣщеніе, куда естественно была отвлечена большая часть общественного вниманія. Гражданская власть въ лицѣ министра-президента сдѣлала лишь что-то вродѣ краткаго визита собору въ Успенскомъ соборѣ во время литургіи...

А. II.

III. ВЪ АКАДЕМІИ.

Новый учебный годъ мы начали въ новыхъ условіяхъ существованія. Жаль, что одушевленію развернуть во всю ширь ученую и учебную работу мѣшаютъ тяжелыя материальные условия жизни. Затрудненія отъ недостатка средствъ, отъ обицѣй дороговизны вынуждаютъ насъ сокращать учебный годъ до возможнаго *minimum*. Значительность типографскихъ расходовъ, къ огорченію, властно убавляетъ размѣры „Богословскаго Вѣстника“. Тѣмъ не менѣе мы вступаемъ въ новый годъ съ радостью и надеждою.

Въ Августовскихъ собранияхъ Совета избраны въ члены Всероссійского Церковнаго Собора профессора: архимандритъ Пларіонъ, Н. В. Чочовъ, протоіерей Д. В. Рождественскій; доцентъ В. П. Випоградовъ избранъ экстраординарнымъ профессоромъ Академіи.

3 сентября отслуженъ молебенъ предъ началомъ лекцій — по добруму обычаю сначала у себя въ Академической церкви, а затѣмъ въ Лаврѣ предъ мощами Преподобнаго Сергія.

4 сентября впервые, но возвращеніи намъ автономіи, происходилъ магистерскій коллоквіумъ члена нашей профессорской корпораціи Н. В. Нечасова. Коллоквіумъ былъ интересный и отличался крайней продолжительностью (продолжался 8 часовъ).

Теперь поплы обычнымъ чередомъ учебныхъ занятій.